Газета - 2004 - 24 авг. - с.10

“мой дебют в опере был сродни прыжку в воду”

звезда мировой оперы Бо Сковхус — **Газете**

На днях Зальцбургский фестиваль представил премьеру оперы Эриха Вольфганга Корнгольда «Мертвый город» (см. Газету от 20 августа). Одну из центральных партий исполнил датский баритон Бо Сковхус, аристократ среди оперных певцов нашего времени, лучший на сегодняшний день исполнитель партии Воццека в знаменитой опере Альбана Берга и ярчайший мастер камерного пения. О Большом театре, где певец недавно побывал, о нынешней премьере и о планах на будущий сезон с Бо Сковхусом побеседовал корреспондент Газеты Илья Овчинников.

Как возникла идея вашего выступления в Москве, состоявшегося три месяца назад?
Она возникла очень просто: меня пригласил Большой театр, выступить в котором — огромная честь. Я был бы рад спеть там в той или иной опере, а концерт прошел замечательно. Мне очень понравился Бетховенский зал — кажется, я последний, кто в нем пел. Ведь он сейчас закрывается на ремонт.

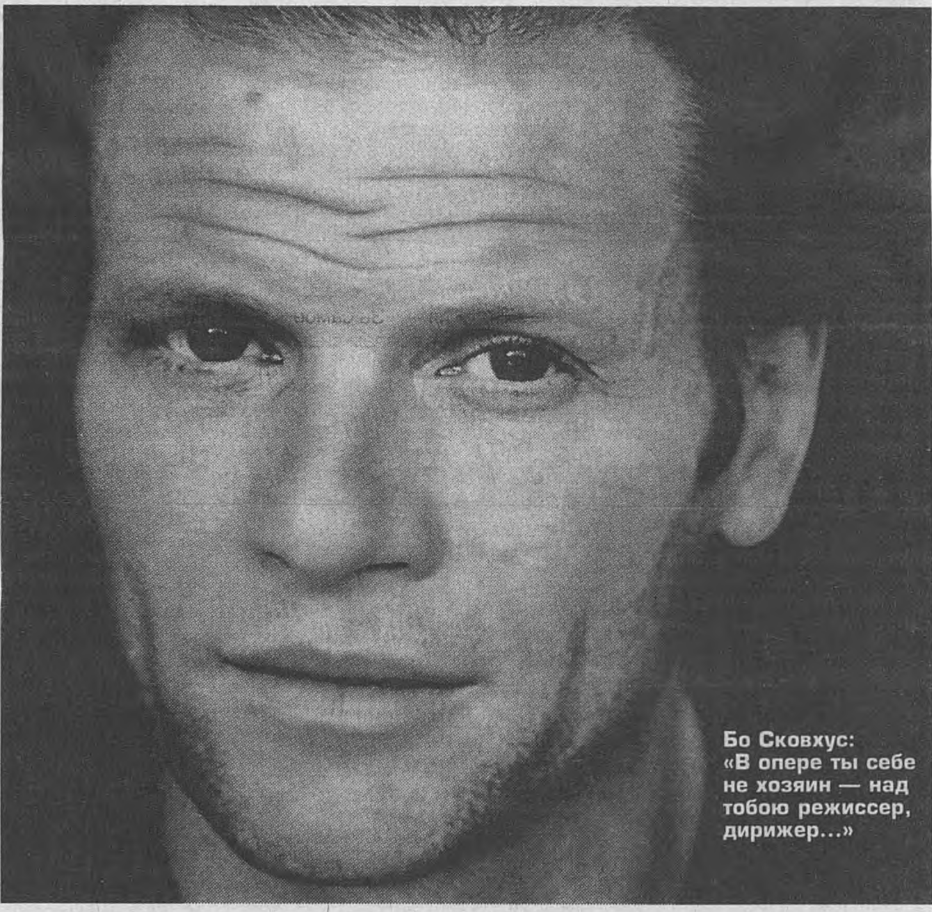
Вы бывали в России до этого?
Да, в Санкт-Петербурге. Меня пригласил мой друг, маэстро Темирканов. Мы много работали вместе в Копенгагене, он замечательный человек и отличный дирижер. Темирканов предлагал мне спеть на новогоднем концерте в Петербурге, но в это время я занят в Вене, Мюнхене, в Метрополитен-опере... Причем пою всегда одно и то же — «Летучую мышь». Однако в Петербурге мне понравилось — было холодно, темно, но чудесно!

С кем еще из дирижеров вы предпочитаете работать?
Люблю Дональда Ранниклза — здесь мы сделали оперу «Мертвый город», до того много работали в Сан-Франциско. Мне нравятся молодые дирижеры, хотя, когда есть возможность поработать с великими Риккардо Мути или Клаудио Аббадо, ты, разумеется, не откажешься. Мне очень хотелось что-то сделать с Карлосом Клайбером, но шанса не представилось, а теперь это уже невозможно — в июле он умер.

газета

Дон Жуан, или Вечный скиталец

Карьера Бо Сковхуса началась в 1988 году в венской Фольксопер, когда он был в пожарном порядке введен в оперу Моцарта «Дон Жуан». С тех пор Сковхус перепел огромное количество оперного репертуара — от Вагнера и Легара до Бриттена и Берга, однако Моцарта по-прежнему любит больше всего. Широко выступает с концертами, равномерно сочетая романтический и современный репертуар. Работает со всеми крупнейшими дирижерами современности. Своим домом называет Швейцарию, хотя бывает там крайне редко. В ближайших планах — «Война и мир» Прокофьева, а также опера, над которой в данный момент работает китайский композитор Тан Дун.



Бо Сковхус: «В опере ты себе не хозяин — над тобою режиссер, дирижер...»

Вы много раз пели в «Евгении Онегине» Чайковского, однако до недавнего времени это была единственная русская опера в вашем репертуаре. Будут ли другие?
Обязательно. Сейчас я много пою «Пиковую даму», а скоро освою «Войну и мир» Прокофьева. Работать с этим материалом очень трудно, петь собираюсь по-русски, а я не говорю и не читаю на этом языке. Приходится много заниматься фонетикой. Премьера весной в Париже — Андреем буду я, а Наташей — Ольга Гурякова, чудесная певица. Совсем недавно мы исполняли вместе «Военный реквием» Бриттена в Барселоне под управлением еще одного великого дирижера — Мстислава Ростроповича. Это фантастический человек!

Многие ваши коллеги говорят о кризисе индустрии классической музыки. Ощущаете ли вы этот кризис и если да, то как боретесь с ним?
Безусловно, ощущаю, в первую очередь в звукозаписи. Дела в этой сфере плохи: у тебя нет возможности записать то, что ты хочешь. Когда я предлагаю песни Шенберга и Берга, то слышу: невозможно, мы не сможем это продать! А если мне интересно именно это? Я бы хотел записывать Корнгольда, Цемлинского, Шрекера, а требуют традиционный репертуар; но меня он уже не вдохновляет. Крупные компании страдают от кризиса перепроизводства, причем все то, что выпущено, далеко не всегда надлежащего качества. А десять лет назад тебе позволяли записывать все, что ты хотел, без каких бы то ни было ограничений.

Удается ли вам компенсировать это работой в опере и на концертах?
Отчасти да — интересную роль в опере найти проще, хотя дорогую постановку типа «Войны и мира» осилит не каждый театр. Но некоторые театры готовы пойти навстречу. К слову, я большой любитель оперетты, которой не уделяется должного внимания. В свое время я пел «Веселую вдову» Легара, и теперь она вновь возвращается в театры. Думаю, здесь сыграла роль запись, которую мы сделали с Джоном Элиотом Гардинером и Венским филармоническим оркестром в 1995 году. Хорошо бы, кстати, поставить эту оперетту в Большом.

Последней премьерой Большого стал «Летучий голландец» в постановке Петера Конвичного. Вместе с ним вы делали оперу Берга «Воццек». Как вам работалось с Петером?
Петер — потрясающий режиссер. Главная его черта — он очень музыкальный человек, он умеет читать партитуру и всегда помнит о том, что музыка в оперном спектакле — главное. Разумеется, работа с ним — иногда чистое сумасшествие, но при этом музыка всегда на первом месте. Когда-нибудь мы с Конвичным вернемся к «Воццеку». Увидим, к чему пришли за годы. Скоро мы с ним начинаем «Дона Карлоса» Верди в Венской опере. До сих пор Конвичный в Вене не работал, многие наверняка будут потрясены, но это к лучшему. Ведь искусство должно быть провокативным, иначе это не искусство.

Чем же вас заинтересовал достаточно традиционный «Мертвый город»? Не кажется ли вам опера похожей на всю музыку того времени?
Начну с того, что для исполнения эта музыка крайне сложна. Не забудем также, что автору оперы было двадцать с небольшим и вся музыка его времени была, конечно, у него в голове. Добавим, что его учителем был Цемлинский, чье влияние здесь слышно невооруженным ухом. Однако музыка сделана очень мастерски, ведь не зря его позже пригласили в Голливуд! Она очень выразительна, вызывает массу ассоциаций и зрительных образов. Так что свой стиль у Корнгольда все же был. Иногда это очень мелодично и сладко, почти как оперетта Легара, а иногда это Альбан Берг чистой воды. Постановка Вилли Декера — просто фантастика! Надеюсь, она в какой-то мере показывает, как прекрасна музыка. Кстати, не представляю себе, как венские филармоники ее играют... нет, не могу назвать ее традиционной.

Вместе с Пласидо Доминго вы записывали «Песнь о Земле» Малера — как вам работалось с патриархом оперной сцены, который настолько старше и опытнее вас?
Пласидо — фантастический парень. Кстати, ему куда больше лет, чем он обычно говорит. Впервые мы работали с ним в Вене в 1991 году над «Паяцами» Леонкавалло, в конце оперы он должен был меня убить! С тех пор я слежу за ним с огромным интересом. Скоро мы делаем вместе вагнеровского «Парсифаля» в Барселоне.

Что для вас интереснее — опера, концерты с оркестром или лидерабенды?
К счастью, я могу выбирать! Пой я все время одни лидерабенды — мне бы это наскучило: на сцене ничего не происходит, зато ты можешь показать себя во всей красе. В опере ты себе не хозяин — над тобою режиссер, дирижер... И в один прекрасный день ты понимаешь, что петь эту партию уже не можешь. А ведь мой дебют в опере в 1988 году был сродни прыжку в воду: если не получится, сказал я себе, займусь чем-нибудь еще: я увлекался медициной и не исключал того, что захочу стать доктором. Мне было 26, выбирать было еще не поздно. Однако этот момент оказался для меня стартовой площадкой. С тех пор я спел везде, где только мог мечтать. В Метрополитен пел сколько раз! Я бы очень хотел спеть в Большом. Мы говорили с руководством театра о такой возможности.